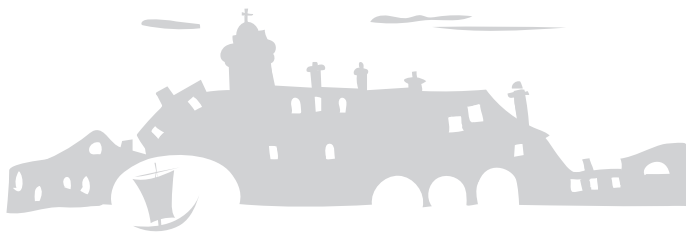

ЛЕЯ ЛЮВОМИРСКАЯ

test_na_trzvtst

И С ТЕХ ПОР НЕ РАССТАВАЛИСЬ

Истории страшные,
трогательные
и страшно трогательные

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л93

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Оформление обложки и иллюстрации: *Юлия Межова*

Любомирская, Лея Давидовна
Л93 И с тех пор не расставались. Истории страшные, трогательные и страшно трогательные / Лея Любомирская.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 317, [1] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-093187-3

Герои рассказов — молодые, старые, живые, мертвые, пианистки, полицейские, короли, земледельцы, мультипликаторы, собаки, кошки, мухи, крабы и вообще неназываемые существа встречаются, расходятся, путешествуют, спят в чемоданах, курят, выгуливают в парке гипсовый бюст давно умершего поэта, прибираются в квартире, ссорятся, рождаются, не рождаются, жарят яичницу из пяти желтков, ездят в командировки, женятся на смерти, сводят счеты с жизнью, прибывают небо гвоздиками, опять встречаются и живут дальше, как река, как мы с вами, как автор этой книги в своей почти воображаемой Португалии.

Подписано в печать 13.10.15.

Формат 70 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Лея Любомирская, текст, 2015
© Юлия Межова, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Александру Богдановскому с любовью

Вместо вступления ДВОРЦОВЫЕ ПРАВЫ

Вот идет по дворцу человек, дороден телом, приятен лицом, одежды на нем добротные, дорогие. Идет себе спокойно, улыбается еле заметно, рот у него маленький, а губы полные, вишневые, влажно поблескивают в густой, тщательно расчесанной бороде, хорошие губы, хорошая борода, и сам человек хороший, сразу видно. Кисти правой руки у него нету, вместо нее пустая перчатка козловой кожи, зато левая — вот она, тоже красивая и холеная, даже, может, излишне холеная, не воина рука, а домоправителя. А он и есть домоправитель, благородный господин Гашпар Нунеш, главный королевский стольник и личный друг Его Величества. Правую руку господин Нунеш оставил двадцать лет назад у реки Саладо, где положил мавров без счета и превзошел других рыцарей в мужестве и яростной отваге, даром что годами был юн, лицом миловиден, а сложением нежен, словно садовый

цветок, и среди грубой солдатни ходили слухи, будто ночами он делит палатку с Его Высочеством наследником престола, нынешним королем, Доном Педру, храни его Господь.

Пусть злые языки истреплются в кровь, пусть отравятся собственным ядом, почернеют и отпадут, а мы их измышлений повторять не станем, нас у реки Саладо не было, мы за наследным принцем и за благородным господином Нунешем не следили, и если и было что промеж них, то что нам с того? Лучше мы полюбуемся из-за угла, как идет по дворцу главный королевский стольник, улыбается сам себе приятной улыбкой, даже не верится, что во дворце его боятся как чумы, такого хорошего, благородного господина, кто бы мог подумать?

Утром подошла к господину Нунешу дама Тереза, главная фрейлина, и что-то сказала про новую камеристку. Бедная дама Тереза, скучно ей во дворце при вдовом короле, то ли дело было при Констансе-страдалице, упокой Господь в своих садах ее чистую душу, настоящая была принцесса, нежная, но строгая, дама Тереза только успевала поворачиваться. И даже при фаворитке Инес было ничего, жаль только, пришлось перебраться в Коимбру и жить там, в провинции, оторванными от двора и от жизни, от одного приезда Его Высочества до другого, и еще все придворные дамы у Инес были испанками, но дама Тереза как-то приновилась.

А сейчас даме Терезе вовсе нечего делать, только проверять по утрам и вечерам, тщательно ли убраны покои фаворитки, а зачем, спрашивается, ей покои? Упокоилась уже, слава Господу, хотя слуги говорят, что Его Величество держит мертвую любовницу в сундуке у постели,

но кто же верит злонравным глупцам? Поэтому дама Тереза сама ищет себе занятия, чтобы не прозябать в бездействии и праздности. Праздность, говорит дама Тереза и поднимает вверх сухой палец, — мать всех пороков.

Новую камеристку дамы Терезы господин главный стольник решил посмотреть попозже, а пока просто идет по дворцу и предвкушает. Вот увидите, господин Нунеш, понизив голос, сказала дама Тереза, вам она понравится. Молоденькая, скромная, вопрос задашь — молчит и бледнеет, все как вы любите.

Как вовемя, думает благородный господин Нунеш, и его полные вишневые губы снова складываются в довольную улыбку. Давно во дворце не было скромных девиц. Все сплошь бойкие. Никого не ненавидит господин главный стольник, всех прощает, как велит Господь, только бойкость в женщине для него непростительна. Первая жена, Беатриса, чтоб ей вечно гореть в аду, была из бойких. И конечно, не прошло и года со дня свадьбы, как она наставила благородному своему супругу рога. Все было как в тех мужицких историях, что слуги рассказывают вечерами на кухне: возвращается муж из похода, отстал от остальных, залечивал руку, чтобы с открытой раной домой не являться, а с супружеского ложа поднимается, криво улыбаясь, Его Высочество, храни его Господь, и бойкая жена смотрит из подушек испуганным кроликом. Принц быстро оправился от неловкости, господина Нунеша по плечу похлопал, а вот и ты, Нунеш, сказал. А вот и я, ответил господин Нунеш, а вот и я. На следующий день Его Высочество неверную жену Нунеша лично казнил, хотя господин Нунеш и молил о пощаде, отринув собственную гордость и позабыв о достоинстве своего славного

рода. Но Его Высочество был непреклонен, не могу, сказал, видеть, как мой друг Нунеш мучается, не позволю шлюхе марать его доброе имя. И казнил. Прямо пополам разрубил, она даже моргнуть не успела. А благородного господина Нунеша, как взошел на трон, назначил главным королевским стольником и пищу с тех пор принимает только из его рук. Доверяет очень.

Идет по дворцу благородный господин Нунеш, дородный телом, приятный лицом, шуршат дорогие одежды, козловая перчатка похлопывает по обтянутому тонкой шерстяной тканью бедру, идет, несет службу, проверяет, все ли в порядке. По коридорам, из залы в залу, идет в королевские покои. Там, в резном дубовом сундуке, хранится Инес, королева-любовница. При жизни она была бойкой, очень бойкой, точь-в-точь неверная жена господина Нунеша, Его Величество всегда любил, чтобы девица была огонь. Но сейчас бойкости в ней не осталось, вся ушла, вытекла вместе с кровью из перерезанного горла.

Из. Перерезанного. Горла, повторяет благородный господин Нунеш, неосознанно стараясь попасть в ритм, из перерезанного-горла, изперерезанногогорла. Содрогнувшись в последний раз, он поднимается и оправляет одежды. Ему грустно. Ему хотелось бы, чтобы в покои сейчас вошел король, а он, благородный господин Нунеш, главный стольник и личный друг Его Величества, сказал бы ему с кривой улыбкой: а вот и ты, Педру. А вот и ты.

СКОРЕЕ ПРО СТАРУШЕК

С Валентином вас, дети!

...а взять, допустим, такую героиню, чтобы и мыслей о любви не вызывала, даже случайных, даже по ассоциации. Пусть она будет бразильяночкой, очень темной, но не черной или там кофейной, а странного, неживого темно-серого цвета, как влажный мякиш у того хлеба, что пекут на севере в капустных листьях. Росту в ней пусть будет метра два, тело мощное, сильное, голова гордая, лицо будто отлито из свинца. Волос ее мы ни разу не видели, она ходит в коричневой шапке грубой вязки, сама связала, чтобы голова не мерзла, после Бразилии ей здесь очень зябко, но она не жалуется, оделась потеплее, шапку вот, перчатки с отрезанными пальцами — и хорошо. Лет ей чуть за семьдесят, может быть семьдесят два или семьдесят четыре, еще немного — и старуха, но пока просто крупная некрасивая женщина в годах, годы уже видны, но еще не дают. Походка у нее не плавная, а скорее твердая, мужская, шаг широкий, мощные бедра ходят, как поршни, величественный зад покачивается в

такт шагам, если смотреть долго, можно представить себе, как она когда-то танцевала на карнавале, голова неподвижна, лицо бесстрастно, танцуют только ноги, только бедра, только гибкая еще талия. А зовут ее пусть Санча, дона Санча. Она живет в доме напротив нас, снимает маленькую квартирку на пятом этаже, с нею внучка или даже правнучка — рослая темно-коричневая девочка лет пятнадцати, ровная и тугая, как боксерская груша, с невыразительным кожаным лицом.

По утрам дона Санча выходит из дому с лыжной палкой, отцепляет от фонарного столба тележку для покупок и идет на работу. Тележку она увезла из нового магазина, что недавно открылся за площадью. Как открылся — так и увезла, прямо в первый день. Магазины все равно — тележкой больше, тележкой меньше, а доне Санче без тележки тяжело. Дона Санча собирает металлический лом. Двор за двором обходит наш район и еще два, доходит до новых домов, до пустыря за акведуком, а дальше не идет, дальше чужая территория. Лыжной палкой дона Санча тыкает в мусорные ящики — проверяет, не звякнет ли. Если звякнуло — вытаскивает и кладет в тележку. Сильно не грузит, у тележки слабые колесики, дона Санча их уже укрепляла, но они все равно отлетают. Дома дона Санча сортирует добычу, очищает от налипшего мусора, если надо, моет тряпкой, раскладывает по мешкам, а раз в неделю приезжает человек на грузовичке и все забирает, дона Санча его не видит, он рассчитывается с внучкой. В хорошую неделю дона Санча зарабатывает около ста евро, да пенсия ей приходит из Бразилии, да внучка по вторникам и четвергам метет и моет парадную и лестницу, им хватает,

дона Санча даже откладывает немножко на черный день, когда уже не сможет работать.

Добрый день, дона Санча, говорим мы, дона Санча как раз нырнула в ящик за чем-то металлическим, поэтому голос ее звучит странно, гулко и натужно, добрый день, дети, с Валентином вас! И вас также, отвечаем мы и, развернувшись, сталкиваемся с сеньором Пинту. Сеньору Пинту недавно исполнилось шестьдесят пять, но выглядит он старше. Маленький, изможденный, желтоватый. Сломанный нос уныло смотрит куда-то вбок. В молодости сеньор Пинту воевал в Анголе и Мозамбике, попал в плен, чудом спасся, и с тех пор его мучают ночные кошмары и приступы малярии. Кроме этого, он потерял голос, когда звал на помощь, и вот уже сорок лет только сипит и скрежещет. Сеньор Пинту давно уже не работает, получает маленькую пенсию. Как и дона Санча, он ищет по ящикам металлический лом, но не продает его, а делает кораблики и танки и два раза в день в любую погоду ходит в собачий приют и выводит на прогулку одышливую рыжую суку, похожую на потертый фибровый чемоданчик. У суки тоже нет голоса, она даже сипеть не умеет, но она так радуется сеньору Пинту, так молотит коротким хвостом, так таращит круглые желтые глаза, что сеньор Пинту всякий раз чуть не плачет и обещает себе забрать рыжую суку из приюта домой.

Дона Санча выбирается из ящика с чем-то, похожим на заднюю стенку от холодильника. Стенка хорошая, металлическая, дона Санча довольна. Простите, сипит сеньор Пинту, вы не одолжите мне вашу палку? Мне тоже надо что-то поискать. С высоты своих двух метров дона Санча смотрит на маленького сеньора Пинту. Что-

что? спрашивает она. Палку, вы не одолжите мне вашу палку? Дона Санча хмурит брови. В последнее время она стала хуже слышать, и это ее беспокоит. Палку! Палку! клокочет сеньор Пинту и топает ногами. Мне всего на минуту нужна ваша палка! Маленькая рыжая сука яростно бросается на дону Санчу и беззвучно на нее лает, широко разевая красную пасть. Дона Санча смотрит на них с огромным изумлением, хочет что-то сказать, но тут ее свинцовое лицо странно вздрагивает, идет трещинами, и она залиvisto хохочет.

Что-то случилось. Мы замерли, не доходя до дома, сеньор Пинту прекратил топтать ногами, и даже рыжая сука захлопнула пасть. Дона Санча хохочет, и вместе с нею хохочет весь мир. Незло, не в насмешку, а так, от удовольствия, просто он нам всем рад. Может быть, нерешительно сипит сеньор Пинту, когда дона Санча останавливается, чтобы вздохнуть, может быть, вы окажете мне честь и выпьете со мной кофе? С удовольствием, говорит дона Санча, посмеиваясь. Почему-то это она слышала, кто ее знает, почему. Рыжая сука, похожая на потертый фибровый чемоданчик, таращит круглые желтые глаза и восторженно молотит коротким хвостом.

Ковер

Вернувшись домой раньше обычного, жена горного инженера Эдварда Эриксона обнаружила, что ее супруг в одних носках играет на ковре в гостиной в детскую железную дорогу с соседом-англичанином Ричардом Тейлором. Ну хорошо, в носках, говорила потом жена горного инженера своей подруге Рите Ферру, нервно прикуривая сигарету от сигареты, хорошо, с Ричардом. Но на ковре моей бабушки?! Нет, ты только представь, на ковре моей бабушки! Рита понимающе кивала, подливала жене горного инженера бренди и думала, что вот досада, столько времени убито на англичанина Ричарда Тейлора, столько сил потрачено, а можно было обойтись носками и детской игрушкой.

Вернувшись домой раньше обычного, горный инженер Эдвард Эриксен обнаружил, что его супруга вывезла из дома все, включая мебель и троих детей, Сару, Дору и маленького Эрика, оставив в пустом доме только поруганный ковер, детскую железную дорогу и нераспеча-

танную пару ядовито-зеленых шелковых носков. Ну хорошо, уехала и уехала, говорил потом горный инженер соседу-англичанину Ричарду Тейлору, вещи забрала, понимаю. Но увезти детей?! Ты только представь, всех детей увезла, и никто не знает куда! И как я их теперь найду? Ричард сочувственно кивал, гладил горного инженера по лысеющей голове и думал, вот и славно, давно пора. Ричард Тейлор не любил детей Эдварда Эриксона, он подзревал, что именно Сара, Дора и маленький Эрик выпустили из террариума его игуану по имени Бартлеби-Смит.

Вернувшись домой раньше обычного, англичанин Ричард Тейлор обнаружил, что его сосед, горный инженер Эдвард Эриксен, издал автобиографический роман, в котором честно и мужественно описал их отношения, включая игры в детскую железную дорогу на ковре в одних носках. Ну хорошо, написал, жаловался потом Ричард Тейлор приходящей служанке Лизиане, но он ведь даже имена не изменил! Вы представляете, Лизиана?! Я теперь из дому выйти не могу, а у меня друзья, работа! Лизиана вытирала пыль с секретера и думала, что надо бы выучить английский, а то неловко как-то, вон, сеньор Рикарду такой взволнованный, а она не понимает ни слова, а вдруг он говорит, что полюбил ее и хочет на ней жениться?

Вернувшись домой раньше обычного, бабушка жены горного инженера Эдварда Эриксона обнаружила на своем пороге игуану по имени Бартлеби-Смит. Ну, это уж совсем никуда, сказала старая дама и погрозила игуане худым пальцем с длинным кривым ногтем. Это уже совсем ни в какие ворота! Я тут ни при чем, торопливо сказал